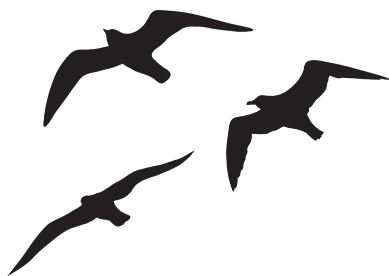

Рассказы
русских писателей

—

**Морские
истории**

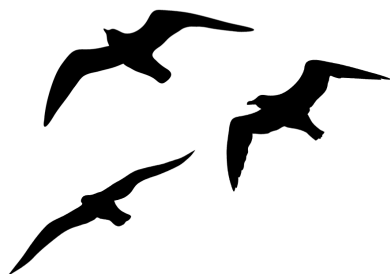
Москва

Рассказы
русских писателей

—

**Морские
истории**

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)-44
М80

Составитель *Анна Жиркова*

Оформление серии *Евгении Лукомской*

В оформлении использованы картина И. К. Айвазовского
«Море» (1882 г.) и иллюстрация:

© Volushka / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

М80 **Морские** истории : рассказы русских писателей. —
Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-212778-6

Матросы и капитаны, акулы и штормы, курортные наваждения и морские сны...

Герои этих рассказов бросают вызов стихии, спасают утопающих, ищут любовь, теряют себя и обретают смысл — на палубах, под килем, среди чаек, скал и соленого ветра.

В сборнике представлены произведения Толстого, Короленко, Станюковича, Серафимовича, Куприна, Бунина, Житкова, Паустовского, Айтматова и других мастеров русской прозы, которые открывают перед читателем мир моря — суровый, чарующий, бесконечно живой.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-212778-6

© Паустовский К. Г., наследник, 2025
© Айтматов Ч.Т., наследники, 2025
© Искандер Ф.А., наследник, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

НОЧЬ НА КОРАБЛЕ

*Из записок гвардейского офицера
на возвратном пути в Россию
после кампании 1814 года*

Рассказ

Я помню прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило;
Желаний и надежд томительный обман.
Шуми, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!

А. Пушкин

АНГЛИЙСКИЙ ФРЕГАТ «FLITCH» («СТРЕЛА»),
6-й ДЕНЬ ПУТИ

... Ветер свежал, валы разыгрывались сильнее и сильнее — фрегат¹ наш быстро катился по темной пучине океана. Заря давно уже потухла на краю пустого небосклона. Кругом темнело — и только вдали чернелись мачты сопутного нам русского флота, только мерцали по кораблям фонари, будто звездочки. Я сидел на корме, на коронаде², и любовался великанскими валами, которые как будто наперерыв гонялись за фрегатом, дости-

¹ Фрегат — трехмачтовый военный парусный корабль; второй по величине после линейного корабля.

² Коронада — небольшая пушка.

гали его и с журчанием, с плеском о него разбивались. Фрегат вздрагивал при каждом ударе; клонился набок перед каждым напором ветра и снова вставал с треском и скрипом. Вахтенные матросы дремали по своим местам, и лишь однозвучное восклицание лейтенанта: «Steerboard! Backboard!» (право руля, лево руля) и вечный ответ: «Yes, yes» (слушаю!) повременно нарушал сторожной сон мореходцев. Я уже ознакомился с морскими опасностями и привык их не бояться. Притом равнодушные всех окружающих внушает спокойствие и самому робкому путешественнику; я беззаботно предался мечтаниям под свистом ветра, и, между тем как взоры мои летали за брызгами сшибающихся валов, мысли стремились далеко, очень далеко.

— Опять мечтаешь! — сказал мне капитан фрегата Рональд, тихо ударив по плечу, — а любезные твои товарищи беспечно пируют с нашими моряками в кают-компани. Но скажи искренно, dear Alister¹, куда и к кому летала теперь крылатая мысль твоя?

— Я упредил быстроту твоей стрелы, капитан! Я уже был на родине, милый Рональд!

Но я опишу прежде, кто был этот Рональд.

Он шотландец; говорят, отличный офицер на море и на суше; высокого росту и стройного стана, русоволос и смугл: две редкие вещи в британской природе. Не красавец, но, право, если б я был женщиной, то трудно б было в него не влюбиться. Какая-то суровая грусть придавала бледному лицу его важность и занимательность. Его глаза сверкали редко, но видно было, что это зарево прежнего пожара страстей. Есть глаза, которые с первого взгляда вызывают откровенность и заверяют дружбу; таково было благородное лицо Рональда. Мы с первой встречи были уже друзьями.

— Я был на родине! — повторял я.

¹ Дорогой Алистер (англ.).

— Счастливец! — сказал со вздохом Рональд. — Для тебя расцветает там будущее, но для меня оно нигде не существует.

— Ты несчастлив, Рональд? — спросил я, дружески пожав ему руку. Его тронуло мое участие. За это искреннее пожатие руки он заплатил мне таким взором, что, если этот взор приснится мне и в могиле, я наверно улыбнусь от удовольствия. Со всем тем нелюбовь к человечеству превозмогла, и он с горькою улыбкою повторил:

— Несчастлив! люди так расточительны на выражения, что я боюсь показаться забавным, назвав себя только несчастливим. Говорят: как я несчастлив, что опоздал в театр, как я несчастлив, что не затравил зайца! Что ж сказать после этого мне, потерявшему все радости невозвратно и безнадежно?

— Ты любил, Рональд?

— Любил ли я?.. какая ж иная страсть в наши лета может возвысить душу до восторга или убить ее до отчаяния! Честолюбие рождается уже в чаду потухшей любви; прилипчивое золото останавливает одну ползущую старость — юноша летит и любит. Ты сам любил, Алистер, и ты поймешь меня. Я стал чужой между одноземцами, товарищи не могут разуместь моих чувств; но у пылких душ одна отчизна, и я рад, что могу освежить свою разделом и высказать горе минутному другу, обитателю берегов невских; послушай.

Четыре года тому назад, как я ходил в Ост-Индию¹ на военном корабле, конвоировавшем флот компании. На возвратный путь к нам флагманом назначен был контр-адмирал кавалер Астон, занимавший в Мадрасе место вице-губернатора и возвращавшийся тогда с семейством своим в Европу. Он избрал наш корабль для пребывания,

¹ Ост-Индия — так в старину называлась собственно Индия, в отличие от Вест-Индии — островов в Атлантике близ Американского континента.

и мы снялись с якоря, едва он ступил на палубу. Я уже слышался и о красоте старшей дочери Астона, но никогда не забуду той минуты, в которую ее увидел в полном блеске красоты и молодости. Как теперь гляжу на нее, одетую в светло-зеленое платье с перламутровой пряжкой на поясе и в широкой соломенной шляпке; не умею выразить, что со мной случилось, когда я подал ей руку, чтобы помочь выйти из шлюпки, когда она поблагодарила меня взглядом и, закрасневшись, опустила длинные ресницы!.. Есть страсти, которые вспыхивают, как порох, и горят до конца, как свеча, — такая-то страсть вспыхнула и во мне, Алистер!

По счастью или по несчастью, меня, как младшего лейтенанта, назначили к адмиралу флаг-офицером, то есть в должность, равносильную адъютантской, которая требовала, чтобы я безотлучно находился при адмирале. Скоро я сделался у него домашним, еще скорее Мери ознакомилась со мною; уже она не краснела, встречаясь со мною взорами, — и нередко я заставал их пристально устремленными на меня. Бывало, она садилась диктовать какую-нибудь бумагу по службе, и я не дивился, отчего в них так много пропусков и ошибок. Бывало, когда я сажу за рисованием, она склонялась через мое плечо посмотреть на рисунок, и карандаш трепетал в руке, как в груди трепетало сердце. Как любил я спорить с этою милою, остроумною Мери и как часто забывал свой предмет и доказательства, вперяясь в ее небесные очи! Сколько раз, безмолвен, в упоении и в забытьи, сидел я за чайным столиком, любуясь каждым движением Мери и, кроме ее, ничего не видя и не слыша. Вся вселенная втеснилась для меня в каюту адмирала; в Мери забывал я всю вселенную. Три месяца восторгов пролетели как сон — и корабль наш бросил якорь у берегов Бразилии.

Желал бы забыть и позабыл тебе сказать, что Астон имел жену со всеми недостатками дурного воспитания, со всеми пороками злого характера, со всеми прихотями ни-

чтожной гордости. Она управляла адмиралом, человеком умным, но слабым, который предпочитал беспрекословно повиноваться воле жены, чем с шумом исполнять свою. Однако же леди Астон умела даже и его вывести из терпения. Рассорилась с ним в Мадрасе и за две недели до его отъезда отправилась на ост-индском корабле к родным своим в Англию. Вообрази же, каково было наше изумление, когда при выходе адмирала на берег в Рио-Жанейро она кинулась в его объятия, как будто ничего не бывало. Такая неожиданная и нежеланная встреча поразила и испугала Астона, который был весьма рад избавиться от любезной своей половины; но стечение народа было многочисленно, семейные ссоры и театральные сцены были бы не у места. Астон покорился необходимости и, проклиная внутренно такой случай, прижал жену к груди своей.

Мое счастье улетело с приходом леди Астон на корабль. Эта капризная женщина видела все в черном виде, и каждое движение дочери и каждый шаг мой были перетолкованы и оценены. Меня стали звать к адмиралу реже и реже и наконец совсем удалили от должности. Все, что терпело сперва мое самолюбие от обхождения леди Астон, — было услаждено удовольствием видеть Мери, — но все это было ничто против мученья столь соседственной разлуки. Быть так близко подле нее и не быть с нею, слышать ее голос и не видеть ее лица, внимать шум ее походки, и только!.. О, Алистер! Это выше всякого понятия. Уныние Мери двоило тоску мою... и я таял очевидно. Этого мало: несчастье преследовало меня еще далее. Однажды мне удалось поговорить с Мери в каютное окно с галереи кают-компания, — но я дорого заплатил за это минутное удовольствие. Леди Астон меня увидела.

Чрез полчаса я был позван к адмиралу. Леди Астон с пылающим лицом сидела на диване, и следы ее гнева еще видны были на опрокинутом чайном столике и разбитых чашках; Мери плакала, сам адмирал ходил взад и вперед по каюте. «Вы съедете сию же минуту на корабль

“Impregnable” (“Неодолимый”) и заступите там место заболевшего лейтенанта! — сказал он мне очень сурово. Я сожалею, что здесь задержал вас; вот ордер капитану Форрестеру... Прощайте!» Леди кивнула мне головою и бросила злобный взгляд; но я не мог видеть прелестного лица Мери, закрытого длинными ее локонами... Не помню, как вышел я наверх; не помню, как посадили меня в шлюпку; знаю только, что огромным валом опрокинуло нас у самого борта и с корабля едва успели спасти меня и плавающих гребцов. Между тем буря свирепела час от часу, и уже нельзя было думать спустить гребное судно. Я остался.

Мы были уже на параллели Бискайского залива, когда ураган захватил нас. Он был жесток и продолжителен; двухдневная ночь задернула небо; ветер кружил, и никто не знал, где мы находимся. Пазы стали расходиться от качки; вода врывалась в корабль, как в решето; и люди падали у помп от изнеможения. Вдруг мы почувствовали удар — и руль вылетел вон, как перо... «Кидай лот¹!» — «28 фут». — «Плохо!» — «25 фут». — «Еще хуже!» — «24 фута». — Ай, ай! Ай! Еще фут, и мы на мели, но глубина вдруг пошла на прибыль. Утешительный голос запел: «35 фут!» — «Хорошо!» — «42 фута». — «Нельзя лучше!» — «50 фут». «Бесподобно!» — «Дна нет, лот пронесит». — Слава богу, думали все. Ушли от гибели. Но в это же мгновение корабль всем днищем грянул на мель, и волнением его начало бить о подводные скалы. Ужасное мгновение! Мертвая тишина настала по стоне и воплям... корабль тихо повалился набок, валы, как горы, пошли через палубу и, поднимая всю громаду, — разрушили ее в щепы, уносили в море несчастных. Только при блеске молний, разрывающих мрак, обозначились черные скалы недалекого берега, — и белыми полосами мелькали, будто привидения, станицы хищных чаек, которые со зловещим

¹ Лот — прибор для определения глубины.

криком вились над нами, радуясь своей добычей. Смерть была кругом: все гибло. Отчаянный, вбежал я в адмиральскую каюту: половина ее была уже в воде. Сердце мое облилось кровью — от того, что я увидел при бледном свете фонаря. Адмирал, между женой и двумя полумертвыми дочерьми, хотел и не мог скрыть ужасную истину! Мысль о вечной разлуке оледенила слезы в глазах его. Казалось, он оспаривал у жадной стихии ее жертвы; казалось, он хотел заслонить их от волн, врывающихся в разбитые окна. А Мери... Я бы отдал тысячу жизней одна за другую, чтобы спасти Мери, — но я позабыл о себе и о смерти, когда она с воплем иступления кинулась ко мне на грудь и заклинала спасти ее сестру, ее родителей. — Не знаю, какой ангел сохранил меня от безумства — видя неизбежную гибель той, которая была для меня все!

Рассвет озарил весь ужас нашего положения: одна только корма оставалась на поверхности — все прочее разнесено было волнами. Перед нами в полуверсте лежал пустой каменистый берег, и высокие всплески показывали, что он неприступен. В горизонте не видно было ни одной мачты; только море бушевало кругом бедных остатков нашего корабля и ежеминутно грозило поглотить нас. Не знаю, можно ли вполне уразуметь мученье подобного состояния, еще более, когда видишь подле себя любезную?..

Я кончу вкратке, Алистер; мы решились связать в плот кой-какие доски и бревна, привязать к ним женщин и пуститься с волнами к берегу, на Божию волю. Трое матросов унесены были волнами, еще двое раздавлены стиснутыми обломками, но остальные, напутствуемые Провидением, полуизбитые о камни, выброшены были на берег у подошвы скал. Во все это время я находился подле Мери, поддерживал ее на воде, удалял бревна, могшие сдавить ее, и уже видел ее вне опасности распростертую на песке, как вдруг огромный вал далеко взбежал на

берег, покрыл нас — и унес бесчувственную Мери опять в море...

— Она утонула? — вскричал я.

— Она спаслась, Алистер!

Одна любовь могла вдохнуть в меня новые силы. Я кинулся в море, долго боролся с набегаящими валами и наконец достиг ее — и с нею выплыл до мелкого места. Изнемогая, обвязал я около ее тела брошенную с берега веревку — и опустился на дно. Горькая вода лилась в меня, в ушах звенело и журчало меня душило, грудь разрывалась — еще усилие, еще вздох — и больше не помню.

Есть утешительные минуты в жизни. Я открыл глаза, и что ж? Мери, бледная как воск, склонясь, стояла надо мною. Влажные волосы прильнули к шее, капли морской воды катились еще по прелестному ее лицу. Вся душа ее была в глазах, устремленных на меня со страхом ожидания. Рука ее лежала на моем сердце, которое билось для одной ее, для ней только перестало биться! Ах, зачем я не умер после этого небесного мгновения!

Мы находились на пустом берегу острова Овезанда. Вся семья адмирала спаслась. Еще двое офицеров и восемь человек матросов... прочие погибли. Скоро утихла буря, и шлюпки, с флота посланные, нашли нас и перевезли на покойнейший корабль. Помощь лекарей и старания дружбы восстановили силы наши, и флот, без всяких приключений, прибыл в Англию.

Леди Астон не могла не чувствовать важности услуги, мною оказанной. Обещания, которые вырвались у ней в минуту гибели, и ласки, которыми она осыпала меня за спасение Мери, были у ней еще в свежей памяти: дом адмирала стал для меня отворен.

Я взял отставку и зажил в Лондоне. Настала зима, пришла пора балов, и я сказал «прости» своему спокойствию. Свет был для меня не чужой: я бросил его по сердцу и снова бросился в него для сердца, вслед за Мери. Лорд Грагам считался мне сродни, и потому я мог смело

кидать свои карточки на каминные богачей и вельмож, которые жили открыто. Мери, предупрежденная молвою, показала к ним в сопровождении толпы модных воздыхателей, и все наши dandys заахали от удивления, все кинулись ее смотреть с таким же чувством, как смотрят они новую панораму или белого слона. Но, к сожалению, увидел я, что лесть и пышность кружили Мери голову. Она уже скучала домашнею жизнью и только воздухом гостинных дышала веселее. Гораздо чаще произносила она имена графинь и леди, чем имена других своих приятельниц. Улыбка самодовольствия мелькала на ее щеках, когда лорды и баронеты танцевали с нею; одним словом, я не узнавал в этой гордой красавице Мери, и она едва узнавала своих старых знакомцев. Я так много любил ее, что не мог не желать быть часто с нею; но довольно горд, чтоб не ползать в толпе окружавших ее кукол и добиваться очереди. Поэтому я танцевал с нею редко, и беспокойное мое воображение не дремало на досуге. Нередко, правда, когда Мери сходилась со мною, видно было, что, хотя тщеславие шептало ей за лордов и эсквайров, сердце говорило за сира Рональда, и она незаметною ласкою награждала своего верного рыцаря. Однако ж самолюбие мое оскорблялось тем не менее, что она не искала, хотя и не избегала случаев быть со мною. Сколько бессонных ночей, сколько дней безотрадных провел я от этих балов; как много крови сожгли во мне ревность и досада! Только дома находил я в ветреной Мери прежнюю милую Мери, и сердце мое, охладевшее в свете, таяло от ее взора, и ревность утихала от ее внимания. Наконец благосклонность Мери оживила щекотливые надежды мои, и страсть сравняла все препятствия. Я забыл высокомерие ее родственников и неудовольствие моих родных. Лестная мысль обладать Мери совершенно овладела мною — и я стал довольно явно оказывать свои намерения. Да и почему бы не мог я жениться на Мери? Предки мои предводили кланами еще тогда, как предки многих из нынешних лордов

пасли стада свои; имена Рональдов были чаще на устах славы, чем имя Астонов, и состояние мое могло доставить жизнь не блестящую, но безбедную. Я не говорю уже о себе, потому что говорю в смысле приличий, хотя нигде и ни в чем я не бывал последним.

Заметив мои виды, леди Астон вспыхнула. Привязалась ни к чему, велела дочери удалиться и обиняками наговорила мне множество обидного. Для Мери я скрепил сердце, переломил свою гордость и молчал. Я еще желал внутренне разуверить себя, извинить леди Астон, приписывая все угрюмости ее характеру, а не умыслу. Дорого стоило мне решиться быть еще раз у Астона; однако ж любовь перемогла, и я дня через три явился к обеду.

Упрямая леди не вышла; адмирал был холоден; я ожидал этого и не удивился; но вид Мери поразил меня: ее спокойное цветущее лицо нимало не изменилось при моем входе. Она обошлась со мною, будто с едва знакомым. Односложные слова были ответом на мои вопросы. Друг Алистер! Она коротко знала мой нрав, знала, что малейшая безделица может расстроить меня надолго, что одно ее холодное слово могло отравить мое существование, — знала — и ни одного взора, ни одного утешительного взора не склонила на того, кому за три дня посылала с ними и сердце. Это уже было чересчур для меня. Воля матери не могла заставить ее терзать меня и холодность удвоить высокомерием. Есть конец всему... и чувство собственного достоинства подкрепило мое слабое сердце. Я мог быть презрен, но презрителен — никогда! Рональд не привык играть роль Селадона на привязи — я гордо простился с Мери; но мог ли я хладнокровно перенести эту обиду моему самолюбию, эту измену в прекраснейшем существе на земле, и с тем — уничтожение лучших надежд, сладчайших мечтаний моих!.. Друг! Друг! Я впервые плакал тогда кровавыми слезами обманутой любви и неудовлетворенного бешенства!